

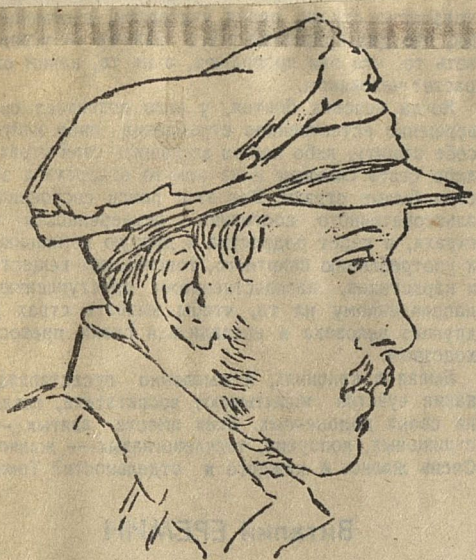
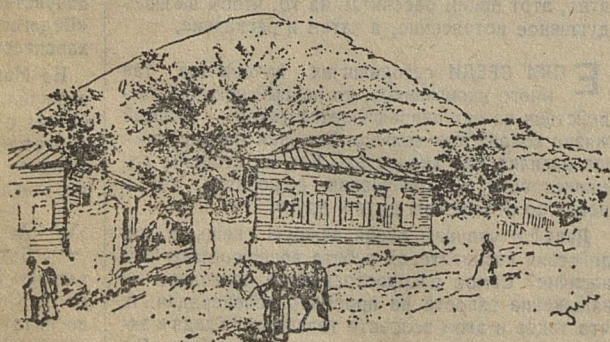

Рис. Тамань

Рисунок Д. П. Полена. 1840 г.

«Никто еще не писал у нас такую правильную, прекрасную и благоуханную прозу», — отозвался о «Герое нашего времени» Гоголь, а Белинский отметил: «Вот книга, которой суждено никогда не стареться, потому что, при самом рождении ее, она была вспыснута живою водою поэзии». Как же удалось Лермонтову создать это произведение? Было ли оно заранее продумано или композиция романа сложилась «экспромтом» во время работы автора над рукописью? К сожалению, ни в письмах Лермонтова, ни в его заметках нет каких-либо сведений, касающихся работы над «Героем нашего времени». Крайне скудно и рукописное наследие, не позволяющее полностью сопоставить с рукописью текст романа. Поэтому знакомство с творческим процессом создания этого произведения не менее интересное и увлекательное занятие, чем поиски лермонтовских реликвий!

Дом княжны Мери на Пятигорском бульваре. Рис. М. А. Зичи. 1881 г.

К 150-летию

со дня гибели

М. Ю. Лермонтова

ПО СЛЕДАМ «ГЕРОЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

«...Вскоре перевели меня на Кавказ: это самое счастливое время моей жизни».

М. Ю. Лермонтов. «Бэла».

Крепость у Каменного Брода

О пребывании Лермонтова на Кавказе в 1837 году почти не сохранилось документов. Всего несколько писем к друзьям да распоряжений по полку. Даже маршрут кавказских странствований поэта остается до конца не выясненным. Но некоторые подробности можно восстановить, если обратиться к «Герою нашего времени».

Лермонтов описывает в романе реально существующие места, знакомые ему самому: будь то почтовая станция во Владикавказе, или небольшой приморский городок Тамань, или Пятигорск. Вот почему и крепость у Каменного Брода, где служил Максим Максимыч, повсей видимости, не была выдумана автором. По словам Максима Максимыча, крепость «стояла на высоком месте и вид с вала был прекрасный: с одной стороны широкая поляна, изрытая несколькими балками, оканчивалась лесом, который тянулся до самого хребта гор; с другой — бежала мелкая речка...».

Предположение о существовании крепости, высказанное впервые И. Л. Андрониковым, нашло свое подтверждение в литературе о Кавказе прошлого века. Укрепление «Каменный Брод» (по-кумыкски Таш-Кичу) было построено при Ермолове в 1825 году на левом фланге Кавказской линии, за Терек. Оно располагалось на реке Аксай, на самой границе с Чечней. И что особенно интересно, находилось в 18 верстах от Шелкозаводского — имения родственника поэта Хастатова, недалеко от станции Червленной и города Кизляра, то есть в непосредственной близости от тех мест, которые поэт посетил во время своей первой ссылки на Кавказ. Но когда именно и при каких обстоятельствах это произошло?

Наиболее вероятным это посещение представляется в начальный период пребывания Лермонтова на Кавказе. Выхав из Москвы 10 ап-

реля, Лермонтов спустя две недели уже должен был находиться в Ставрополе, но только 13 мая в штаб войск Кавказской линии от него поступил рапорт об освидетельствовании болезни. Именно в этот период, с момента приезда до подачи рапорта, поэт мог проследовать на Левый фланг. По мнению ставропольского лермонтоведа А. В. Попова, эту поездку Лермонтов предпринял, чтобы скорее явиться в полк, узнав, что два его эскадрона во главе с командиром полка выступили в рекогносцировку на Лезгинскую линию. Но, заболев дорогой, Лермонтов вынужден был вернуться в Ставрополь и лечь в госпиталь.

Оказать содействие в этой поездке могли родственники поэта — начальник штаба войск Кавказской линии генерал Петров и его адъютант Хастатов. Возможно, Хастатов даже проводил поэта, чтобы заодно по пути провести свое имение Шелкозаводское, чем и объясняется посещение Лермонтовым этих мест. От него же Лермонтов услышал романтическую историю о похищенной татарке Бэле, которая одно время жила в имении у Хастатова, и о случае в станице Червленной, где его чуть не зарубил пьяный казак. Эти два эпизода из жизни родственника поэта легли потом в основу повестей «Бэла» и «Фаталист». И нам становится понятным, почему места действия этих повестей находятся в непосредственной близости от Шелкозаводского.

Но разве столь важно знать, где располагалась крепость Максима Максимыча? Оказывается, да. Это позволяет прояснить кажущиеся на первый взгляд противоречия между географическими и этнографическими подробностями в романе. Действительно, если действие повести происходит в Чечне, то почему Бэла называется черкешенкой? На этот вопрос можно ответить, что в те времена обычно всех горцев Северного Кавказа называли черкесами. Но кто же тогда Бэла?

Некоторые литературоведы выступили с предположением, что Бэла родом из чеченской семьи, и отметили неточности, допущенные Лермонтовым. Так, Максим Максимыч называет отца Бэлы князем, а у чеченцев княжеских родов не было. Свадьба, на которой Печорин познакомился с Бэлой, не могла происходить в доме невесты, а Бэла, согласно адату, не смела первой обратиться к Печорину со словами песни.

А не слишком ли много неточностей для Лермонтова, прекрасного знатока нравов и обычаев кавказских народов, — возразили другие. И вот тут-то на помощь и пришли сведения о местоположении крепости «Каменный Брод». Это укрепление располагалось в Дагестане, на Кумыкской равнине, но вблизи от чеченских аулов, что и позволяло Максиму Максимычу утверждать, что он бывал и служил

в Чечне. По мнению грозненского лермонтоведа Б. С. Виноградова, отец Бэлы был кумыкским князем, не случайно в романе он назван мирным. Кумыки с давних времен дружили с Россией. Но если Бэла кумычка, тогда легко объясняются и этнографические подробности: и возможность свадьбы в доме невесты, и распространенная у кумыков песня-игра «сарын», воспользовавшись которой, хитроумная Бэла объяснилась с русским офицером.

А были ли попытки в наше время побывать на месте, где стояла крепость «Каменный Брод»? О такой поездке на родину Бэлы рассказал лермонтовед Б. С. Виноградов, отправившийся на машине по маршруту Грозный—Червленная—Шелкозаводская — Аксай—Грозный. В одном из аулов он обратился с вопросом к группе местных жителей, стоявших на улице:

— Скажите, была ли здесь в старое время русская крепость? Быстро перебрались хозяева короткими фразами по-кумыкски, и прозвучал ответ: — Этого мы не знаем. Крепости не было. — Я с досадой подумал, — сообщает Б. С. Виноградов, — что неправильно задал вопрос. — А где стояла крепость Таш-Кичу? Мужчины оживились, громко заговорили по-своему...

— Как же! Таш-Кичу мы все знаем. Примерно шесть километров отсюда по берегу реки Аксай. — А что осталось от крепости? — Сейчас, после дождей, туда нет дороги, а то бы мы поехали с вами. Там осталось место. Надо подняться метра три-четыре — и попадаешь на ровную площадку, а вокруг земляной вал. Оттуда дорожка к реке. А на той стороне лес...

— Лес? — удовлетворенно переспросил я. — Конечно, лес! — Как по-русски перевести Таш-Кичу? Вновь обменялись мнениями по-кумыкски. Отвечал один: — Таш — это значит камень, каменный. Кичу — мелкое место через речку, брод. Таш-Кичу — это значит Каменный Брод.

Описание местоположения крепости, услышанное от жителей на родине Бэлы, почти дословно совпадает с рассказом Максима Максимыча, и мы еще раз убеждаемся в необыкновенной точности и правдивости художественной прозы Лермонтова.

Сергей ЧЕКАЛИН.